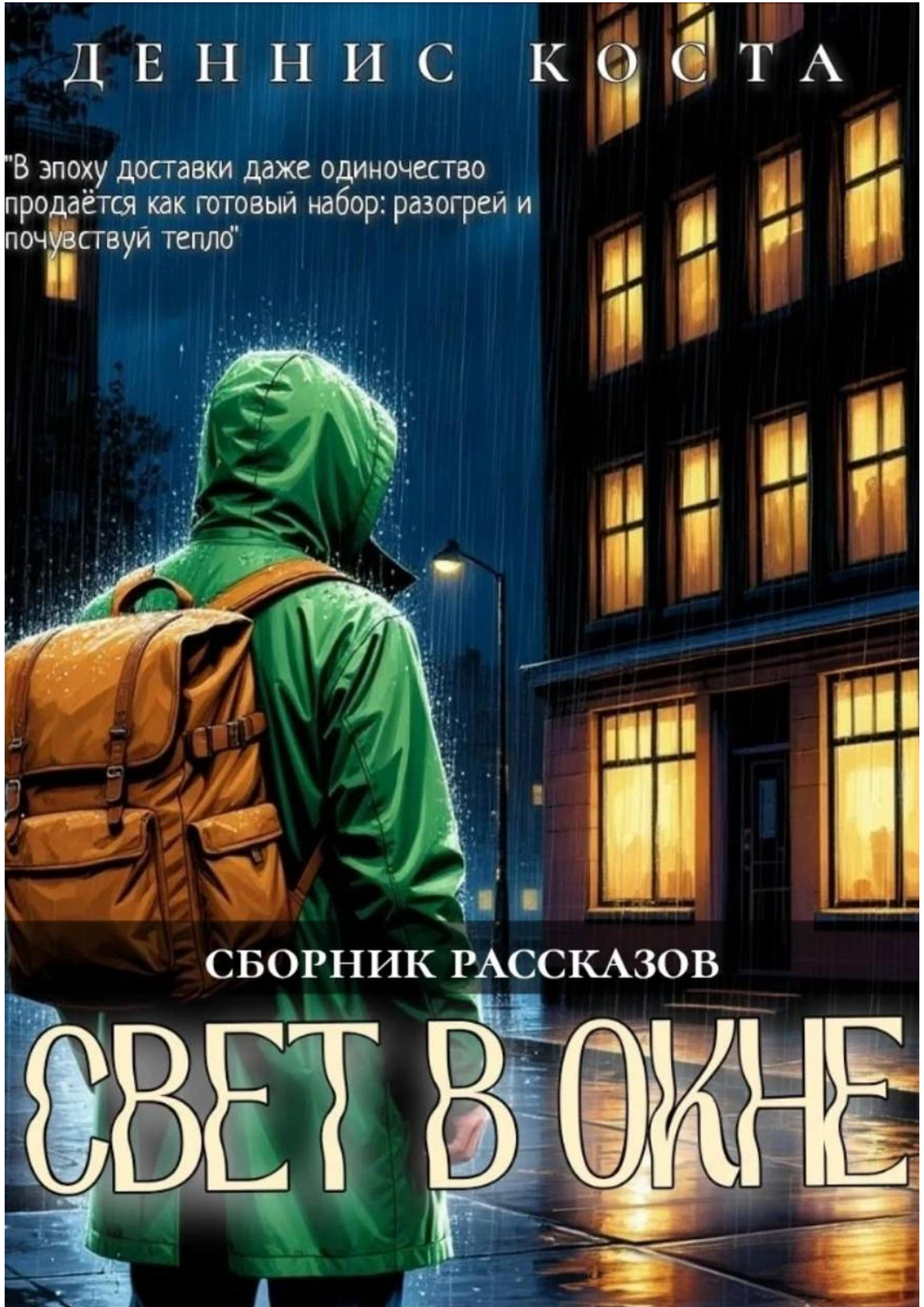

The background of the entire page is a digital illustration of a rainy night scene. In the foreground, a person is seen from behind, wearing a bright green hooded raincoat and a large brown leather backpack. They are standing on a wet, reflective pavement. In the background, a multi-story building with several windows is visible. The windows are illuminated from within, casting a warm yellow glow that contrasts with the dark blue and grey tones of the rainy night. Rain is depicted as numerous white streaks falling across the scene. A street lamp is visible near the person, and its light reflects on the wet ground.

Д Е Н Н И С К О С Т А

"В эпоху доставки даже одиночество
продаётся как готовый набор: разогрей и
почувствуй тепло"

СБОРНИК РАССКАЗОВ

СВЕТ В ОКНЕ

Деннис Коста

Свет в окне

«Автор»

2026

Коста Д.

Свет в окне / Д. Коста — «Автор», 2026

Глубокое погружение в современную городскую прозу через призму шести пронзительных историй о человечности, одиночестве и поиске себя. В центре повествования — истории о простых людях, чьи судьбы переплетаются в мегаполисе, где технологии и алгоритмы пытаются заменить живое общение. Сборник включает: «Свет в окне» — философская история о доставщике еды, который через наблюдение за чужими окнами пытается понять себя «Верный маршрут» — трогательная повесть о почтальоне, находящем смысл в заботе о других «Глаза» — детективная история о подростке, читающем судьбы людей по их взглядам Три других не менее захватывающих рассказа о современном городе и его обитателях Для тех, кто ищет глубокие размышления о современном обществе, ценит психологическую прозу и любит истории с неожиданным поворотом.

© Коста Д., 2026

© Автор, 2026

Деннис Коста

Свет в окне

Деннис Коста
Сборник рассказов

"СВЕТ В ОКНЕ"

Свет в окне

Дождь хлестал по городу так, будто кто-то наверху решил устроить генеральную уборку и заодно смыть все неудобные чувства. Денис, доставщик еды, шёл по тротуару, прижимая к груди пакет с остывающим карри. Его маршрут был выстроен алгоритмом, который знал про него всё: сколько секунд он тратит на подъезд, какой темп у него на лестнице, когда он делает «технический перерыв» за мусорным баком. Алгоритм не знал только одного: что Денис любит заглядывать в окна первого этажа.

Для Дениса каждое окно было отдельной историей. Он даже вёл в заметках короткие записи: «Окно 17: женщина злится — ссора или работа? Окно 21: мужчина не двигается — усталость или горе? Окно 33: ребёнок с динозавром — одиночество или игра?» Он гордился тем, что видит людей. В отличие от приложения, которое видело в них только адреса и статусы «готов к выдаче».

Сегодня заказ был странным: «Оставить у двери, не звонить, не стучать». Адрес — тихий переулок, старые дома с низкими окнами. Денис шёл и думал, что в таких местах истории самые густые, почти осязаемые. Но чем ближе он подходил, тем сильнее чувствовал, как город подталкивает его к мысли, что истории — это тоже товар. В ленте новостей они продаются как «жизненные драмы», в подкастах — как «кейсы роста», а в сериалах — как «эмоциональный контент». Даже его собственные наблюдения казались ему всё больше похожими на черновик для блога «Окна, в которые нельзя не смотреть».

Когда он подошёл к нужному дому, дождь усилился. Окно квартиры, куда он нёс заказ, было тёмным. Ни света, ни движения. Денис постучал, как велели, негромко, три раза. Тишина. Тогда он оставил пакет у двери и отошёл на пару шагов, чтобы посмотреть на окно. И вдруг в нём мелькнуло движение — не свет, не силуэт, а что-то быстрое, как тень.

Из темноты подъезда вышел человек в длинном плаще. Он подошёл к двери, взял пакет, заглянул внутрь, будто проверяя, не подменили ли еду, и исчез в квартире. Денис стоял под дождём и чувствовал, как внутри всё сжимается. Ему вдруг стало стыдно за свои заметки. Он понял, что смотрел в окна не ради сочувствия, а ради «материала». И от этого история, которую он не мог прочитать, пугала его больше всего.

На следующий день Денис снова оказался в том же переулке. Он не планировал этого, но маршрут сам привёл его сюда: алгоритм оптимизировал трафик, и этот район снова оказался самым «эффективным». Дождь не прекращался. Казалось, что город утонул, и только редкие фонари напоминали о том, что где-то ещё есть свет.

Окно квартиры снова было тёмным, но теперь Денис заметил деталь, которую вчера пропустил: на подоконнике стояла маленькая фигурка — птица из стекла. Она ловила свет редких фар и отбрасывала на стену крошечные радуги. Денис улыбнулся. Значит, в квартире кто-то живёт. И этот кто-то любит красивые вещи.

Он достал телефон и записал: «Окно 45: птица из стекла — надежда или память?» Но прежде чем он успел спрятать телефон, на экране всплыло уведомление: «Вы на 12% медленнее на этом участке. Повысьте темп, чтобы сохранить слот!» Денис замер. Он вдруг понял, что для системы его «замедление» — это не пауза, чтобы разглядеть птицу, а потеря прибыли.

Тут дверь открылась. Тот самый человек в плаще вышел на улицу. На этот раз он заметил Дениса. Их взгляды встретились, и в этом взгляде было что-то, от чего у Дениса похолодели руки. Человек не улыбался. Он просто смотрел, будто пытался понять, кто перед ним.

— Ты опять здесь, — сказал он наконец, голос был низким и хриплым.

Денис хотел сказать что-то вроде «Я просто заказ принёс», но слова застряли в горле. Вместо этого он кивнул.

— Любишь смотреть в окна? — спросил человек, делая шаг вперёд.

Денис снова кивнул.

— А знаешь, что бывает с теми, кто слишком много смотрит? Они начинают видеть то, чего нет. Или то, что лучше не видеть.

С этими словами он развернулся и ушёл, оставив Дениса одного под дождём. Денис стоял и думал о том, как легко его любопытство превратилось в «метрику эффективности». Вечером, когда смена закончилась, он сел в кафе и заказал кофе. Он смотрел в окно на прохожих и думал, сколько историй скрывается за каждым окном. И о том, что некоторые истории лучше не превращать в статистику.

Через два дня Денис получил новый заказ в тот же переулок. На этот раз он решил не смотреть в окно. Он решил быть профессионалом: пришёл, постучал, оставил пакет и ушёл. Но как только он повернулся, чтобы уйти, дверь открылась. Человек в плаще стоял на пороге, держа в руках пакет.

— Заходи, — сказал он, голос звучал не как приглашение, а как приказ.

Денис замер.

— Что?

— Заходи. Я хочу поговорить.

И Денис зашёл.

Квартира была маленькой и тёмной. Стены были увешаны фотографиями, но на них не было людей. Только окна: старые, новые, разбитые, целые. Они смотрели на Дениса со всех сторон, как глаза.

Человек сел на стул и жестом пригласил Дениса сесть напротив.

— Ты любишь смотреть в окна, — сказал он. — А я люблю их собирать.

— Собирать? — переспросил Денис.

— Да. Фотографии окон. Я думаю, что окно — это интерфейс. Оно показывает не то, что внутри, а то, что мы хотим видеть.

Денис посмотрел на стены и почувствовал, как по спине пробежал холодок.

— Ты думаешь, что видишь истории, — продолжал человек. — Но ты видишь только свои догадки. Свои страхи. Свои надежды. А город продаёт тебе иллюзию, что ты можешь всё понять, просто глядя в стекло.

Денис хотел возразить, но не смог. Потому что в глубине души он знал, что человек прав. Он действительно видел только то, что хотел видеть.

— Зачем ты мне это говоришь? — спросил он наконец.

— Чтобы ты перестал. Пока не поздно.

Денис встал. Ему хотелось убежать, но ноги не слушались.

— Я не могу перестать, — сказал он тихо.

Человек улыбнулся, но в этой улыбке не было тепла.

— Тогда ты увидишь то, что не сможешь забыть.

В этот момент телефон Дениса завибрировал: «Ваш рейтинг снизился на 0,3 пункта. Клиент отметил, что вы оставили заказ неаккуратно». Денис посмотрел на экран и вдруг почувствовал, что его жизнь тоже стала интерфейсом: каждое действие оценивается, каждый взгляд анализируется, а любая эмоция превращается в метрику.

На следующий день город будто сошёл с ума. Дождь превратился в ливень, улицы затопило, и вода текла по тротуарам, как река. Денис шёл по колено в воде, держа над головой пакет с едой, и думал, что сегодня он не будет смотреть в окна. Сегодня он будет просто делать свою работу.

Но когда он подошёл к знакомому дому, окно квартиры светилось. Впервые за всё время. Свет был тусклым, жёлтым, почти болезненным. И в этом свете Денис увидел фигуру человека. Он стоял у окна и смотрел на улицу. На Дениса.

Денис остановился. Он не хотел подходить. Но что-то внутри него тянуло его вперёд. Он постучал. Никто не ответил. Тогда он оставил пакет у двери и отступил.

И тут дверь распахнулась. Человек в плаще стоял на пороге, но теперь он выглядел иначе. Его лицо было бледным, глаза — пустыми.

— Ты пришёл, — сказал он, и голос его звучал так, будто он говорил из другого мира.

Денис кивнул.

— Заходи. У меня есть кое-что для тебя.

На этот раз Денис не колебался. Он зашёл в квартиру, и дверь за ним закрылась.

Внутри было тихо. Только дождь стучал по стёклам, и этот стук казался громче любого крика. Человек подошёл к столу и взял с него конверт.

— Это для тебя, — сказал он, протягивая конверт.

Денис взял его. На конверте не было адреса. Только его имя, написанное от руки.

— Открой, — велел человек.

Денис открыл. Внутри была фотография. Окно. Но не обычное. Это было окно его собственной квартиры. Денис почувствовал, как земля уходит из-под ног.

— Как ты...?

— Я говорил тебе, — перебил его человек. — Окно — это зеркало. Ты смотрел в чужие окна, чтобы не смотреть в своё.

Денис смотрел на фотографию и не мог поверить. Это было его окно. Его квартира. Его жизнь. И в этом окне он видел себя. Маленького, одинокого, потерянного.

— Теперь ты знаешь правду, — сказал человек и сел на стул. Его плечи опустились, будто он только что сбросил тяжёлый груз.

Телефон Дениса снова завибрировал: «Вы превысили лимит времени на заказе. Следующий слот будет сокращён». Денис посмотрел на телефон, потом на фотографию, потом на человека. И впервые за долгое время понял, что никто не спасает его от одиночества. Город не заботится о нём. Система просто использует его время, его внимание, его эмоции — и продаёт их как «эффективность».

Он вышел из квартиры, оставив конверт на столе, и пошёл прочь, не оглядываясь.

Дождь наконец прекратился. Небо стало серым, но уже не чёрным. Город медленно просыпался, стряхивая с себя воду, как собака стряхивает капли после купания. Денис шёл по улице, и ему казалось, что он видит город впервые.

Он больше не смотрел в окна. Он смотрел вперёд. На дорогу, на людей, на небо. Он понял, что истории, которые он видел в окнах, были не чужими. Они были его собственными. Его страхами, его надеждами, его одиночеством. И город превращал это в товар: его эмпатию — в «вовлечённость», его любопытство — в «кликабельность», его боль — в «контент».

Он остановился у своего дома и посмотрел на своё окно. Оно было обычным. Ничего особенного. Но теперь оно казалось ему красивым. Потому что оно было его.

Денис поднялся наверх, открыл дверь и зашёл внутрь. Квартира была маленькой, но уютной. Он сел на диван и закрыл глаза. И впервые за долгое время почувствовал, что он дома.

Позже он достал из кармана конверт, который так и не выбросил. Открыл его и посмотрел на фотографию. Теперь она не пугала его. Она напоминала ему о том, откуда он пришёл. И о том, куда он идёт.

Он порвал фотографию на мелкие кусочки и выбросил их в мусорное ведро. Потом взял блокнот и написал: «Окно — это не история. Окно — это выбор. Ты можешь смотреть внутрь или наружу. Ты можешь видеть прошлое или будущее. Ты можешь быть зрителем или участником. Выбор за тобой».

И с этими словами он вышел из квартиры и пошёл навстречу новому дню.

Верный маршрут

Дождь начался ещё до рассвета и не собирался заканчиваться. Он шёл ровно, без ярости, просто как факт: небо течёт, асфальт блестит, воздух пахнет мокрым бетоном и пылью, которую наконец смыло. Капли стекали по стёклам витрин, превращая вывески в размытые цветные пятна, а неоновые огни — в дрожащие ореолы. В переулках вода собиралась в глубокие лужи, и каждый редкий автомобиль, проезжая, поднимал веер брызг, будто подчёркивал, что город сегодня не настроен на спешку.

Денис Бардин вышел из отделения почты ровно в восемь, поправил капюшон и сумку. Сумка была тяжёлой, но он уже не думал, что это несправедливо. Он думал, что в ней — чужие ожидания, и это тоже своего рода груз, который можно нести. Ткань капюшона уже успела слегка промокнуть, и капля, сорвавшись с края, скользнула по щеке, холодная и настойчивая, как напоминание, что день не будет лёгким. Он машинально стёр её рукавом, втянул носом влажный воздух и шагнул в этот серый, но живой город.

Его маршрут был выверен до минут, но сегодня минуты растягивались. Каждый подъезд, каждая лестница, каждый звонок в дверь казались чуть длиннее, потому что дождь делал всё медленнее. И в этой медленности Денис вдруг стал замечать то, что раньше проскакивало мимо: как в лужах отражаются окна верхних этажей, будто кто-то перевернул дом вверх ногами; как на козырьке у подъезда устроилась промокшая ворона и с осуждением смотрела на мир; как из приоткрытой форточки доносился запах свежего хлеба, перебиваемый запахом сырости.

Первая остановка — Лидия Петровна. Она открыла дверь, и в щель между дверью и косяком просочился запах старого дома и чая с чабрецом — тёплый, пряный, будто кусочек лета, спрятанный в этой сырой квартире. На вешалке рядом с дверью висело пальто, а на полочке стояла фарфоровая фигурка балерины, покрытая тонким слоем пыли.

— Опять льёт, — буркнула она, будто дождь был её личным обидчиком. — Ноги сегодня совсем не держат.

Денис молча протянул ей конверт и ещё одну вещь: маленький складной зонтик, который он купил накануне в ларьке на углу. Не новый, но крепкий. Ткань была тёмно-синей, с едва заметным узором, а ручка — удобной, словно созданной для хрупкой женской руки.

— Это... мне? — она посмотрела на зонтик, как на что-то подозрительное, будто боялась, что за него придётся чем-то платить.

— Вам. Чтобы не мокнуть, когда вниз спустаться надо. Я тут подумал: если вы будете меньше бояться промокнуть, может, и на лавочку выйдете. Там голуби, говорят, сегодня особенно разговорчивые.

Лидия Петровна хмыкнула, но зонтик взяла. Пальцы её слегка дрогнули, когда она сомкнула их на ручке, будто сама не верила, что кто-то о ней позаботился. И, уже закрывая дверь, тихо сказала:

— Спасибо.

Для неё счастье было не в чём-то большом, а в том, чтобы не бояться выйти. Денис дал ей эту маленькую броню от дождя.

Дальше — двор, где на скамейке сидел старик в старом пальто. Тот самый, который почти не выходил. Пальто было тёмно-коричневым, с засаленными лацканами, а воротник — потрёпанным, будто его теребили годами. Старик смотрел прямо перед собой, не моргая, словно пытался разглядеть в дожде что-то важное. Денис не стал кидать письмо в ящик, где оно бы утонуло в куче газет. Он оставил его на полочке у двери вместе с парой свежих газет и маленькой запиской: «Тут про поезда. Вы вроде любили про них читать».

Старик вышел через минуту, посмотрел на стопку, потом на Дениса.

— Ты это... не надо, — привычно буркнул он, но в голосе не было настоящей злости, только старая привычка отталкивать любую заботу.

— Надо, — спокойно ответил Денис. — Вдруг захочется вспомнить, как раньше было.

И старик кивнул. Не потому, что поверил, а потому, что ему стало чуть легче от того, что кто-то помнит про его старые интересы. Его недостающая половина счастья была в ощущении, что о нём не забыли. Денис её подставил.

Потом был мальчик, который собирал марки. Он выглянул из-за двери, увидел Дениса и сразу спросил:

— А сегодня есть что-нибудь красивое?

Голос у него был звонкий, нетерпеливый, как у человека, который привык искать чудеса в обыденности. Денис достал из сумки конверт с маркой, на которой был изображён старый паровоз — чёрный, мощный, с клубами пара, будто он вот-вот сорвётся с места и умчится вдаль.

— Вот. Думаю, тебе подойдёт.

Мальчик взял марку, прижал к груди, будто это был не кусочек бумаги, а что-то живое, способное согреть.

— Она редкая? — спросил он, затаив дыхание, глаза его блеснули, как у ребёнка, который боится, что чудо исчезнет, если он моргнёт.

— Достаточно редкая, чтобы быть твоей, — улыбнулся Денис.

Для мальчика счастье было в том, чтобы чувствовать себя особенным, а не просто «тем, кто вечно сидит дома». Денис дал ему эту редкость.

К обеду дождь не прекратился. Он стал тише, но настойчивее, как будто хотел, чтобы все привыкли к нему и перестали замечать. Денис шёл дальше, и каждый шаг отдавался в мокрой брусчатке глухим, размеренным звуком, словно город отсчитывал время. В одном подъезде пахло лекарствами — горьковато и стерильно, в другом — жареными пирожками, и оба запаха были одинаково родными, потому что означали: здесь живут люди, и каждому чего-то не хватает.

Он начал понимать простую вещь: счастье редко бывает целым. Чаще оно приходит по частям. Кому-то не хватает смелости выйти, кому-то — ощущения, что о нём помнят, кому-то — маленькой редкости, которая делает день особенным. И его работа была в том, чтобы замечать эти трещины и затыкать их чем-то простым: зонтиком, запиской, маркой. Он вдруг поймал себя на мысли, что впервые за долгое время не считает эту работу рутинной. Она стала чем-то вроде тихой миссии, незаметной, но важной.

Когда он вернулся в отделение, начальник посмотрел на него и сказал:

— Ты сегодня дольше обычного. Всё нормально?

Денис задумался на секунду, прислушиваясь к себе, будто проверял, не рассыпался ли он за этот дождливый день.

— Да. Даже лучше, чем нормально.

Начальник кивнул, будто понял что-то, чего Денис сам ещё не мог сформулировать. В его взгляде мелькнуло что-то похожее на уважение — не громкое, не броское, а тихое, как свет в окне на рассвете.

На улице уже темнело, фонари зажигались один за другим, как маленькие маяки в наступающей темноте. Дождь всё ещё шёл, но теперь он казался не врагом, а чем-то вроде фона, который подчёркивал свет в окнах. Денис сел на лавочку во дворе, посмотрел на эти огни и почувствовал, как внутри что-то медленно, но уверенно встаёт на место. Капли падали на его плечи, но он почти не замечал их.

«Я нужен», — написал он на листке бумаги. И на этот раз слова не казались ему вызовом. Они были просто констатацией факта, спокойной и твёрдой, как стук его шагов по брусчатке.

Следующие дни шли под тем же дождём. Он стал настолько привычным, что люди уже не замечали его, пока не приходилось выходить. И в этой рутине Денис продолжал подставлять недостающие половины. Он стал брать с собой не только письма, но и маленькие детали, которые могли что-то значить: открытки, вырезки, иногда даже конфеты в ярких обёртках, которые он покупал на сдачу. Он не делал из этого шоу, не ждал благодарностей. Он просто замечал, кому чего не хватает, и старался это дать.

Была женщина с ребёнком, который не говорил, но очень любил картинки. Денис стал носить с собой маленькие открытки: котиков, собак, поезда, самолёты. Что-то простое, но яркое, с чёткими контурами и насыщенными цветами. Однажды он принёс открытку с самолётом, и ребёнок вдруг протянул руку и коснулся картинки, как будто проверял, настоящая ли она. Пальчики его осторожно скользили по бумаге, будто он пытался прочитать изображение на ощупь. Женщина посмотрела на Дениса так, будто увидела его впервые — не как почтальона, который приносит письма, а как человека, который видит то, что другие пропускают.

— Вы... вы специально? — спросила она, и в её голосе было столько благодарности, что Денису стало неловко.

— Специально, — кивнул Денис. — Ему нужно что-то, за что можно держаться взглядом. Пусть это будет самолёт.

Для них счастье было в крошечном мостике между миром и ребёнком. Денис его положил.

А потом на почте начались перемены. Ввели новые нормативы: теперь каждый адрес должен был занимать не больше двух минут, а количество доставленных отправок стало главным показателем. Начальник хмурился, глядя на отчёты, будто они были обвинительным приговором всему, что он знал о работе.

— Нам нужно ускоряться, — сказал он на собрании. — Система требует эффективности.

Денис слушал и чувствовал, как внутри поднимается тихий протест. Эффективность не умела замечать дрожащие руки. Эффективность не знала, что кому-то страшно выходить из дома. Она не умела видеть, как ребёнок тянется к картинке, как старик кивает, не произнося ни слова.

Он пришёл к начальнику с листком бумаги. На нём был список «особых адресов» — тех, где людям нужна была не просто доставка, а бережное отношение. Он написал рядом с каждым именем маленькую пометку: «боится выходить», «любит читать про поезда», «ребёнок любит картинки». Почерк его был неровным, но чётким, будто он хотел, чтобы каждое слово было прочитано внимательно.

— Это не по регламенту, — сказал начальник, глядя на список, и в его голосе не было злости, только усталость и нежелание нарушать правила.

— Но это по-человечески, — тихо ответил Денис.

Начальник помолчал, потёр переносицу, будто пытался снять накопившуюся усталость, и посмотрел на Дениса долгим взглядом, в котором читалась внутренняя борьба между системой и совестью.

— Ладно, — наконец произнёс он. — Пусть будет так. Но только для этих адресов. И постарайся не выбиваться из графика.

Денис кивнул, чувствуя, как внутри расправляется что-то давно сжатое. Он не сломал систему. Он просто нашёл в ней щель, куда можно было просунуть немного человечности.

А потом случилось то, что окончательно расставило всё по местам.

Старик, которому Денис оставлял письма у двери, не появился у окна в свой обычный час. Денис шёл мимо и вдруг понял: уже третий день он не видел, как тот сидит на подоконнике, глядя во двор. Окно было тёмным, и эта темнота казалась неестественной, как тишина после громкого звука. Сумка вдруг стала тяжелее, будто в ней лежал не бумажный груз, а предчувствие беды.

Он поднялся на этаж, постучал. Тишина. Постучал сильнее. Никакой реакции. Тогда он позвонил в соседнюю квартиру. Вышла соседка, посмотрела на него с подозрением, будто любой незнакомый интерес к соседям был чем-то подозрительным.

— Чего надо?

— Старик... он не появляется. Боюсь, что-то случилось.

Соседка нахмурилась, достала ключи.

Дверь открылась, и в нос ударил запах затхлости и чего-то тревожного — смесь лекарств, пыли и беспомощности. Старик лежал на полу, бледный, но живой. Соседка тут же вызвала скорую, а Денис стоял в дверях, чувствуя, как дрожат руки. Но это была не паника. Это было осознание: его внимание, его привычка замечать мелочи, возможно, спасли человеку жизнь.

В больнице старик пришёл в себя и, увидев Дениса, хрипло произнёс:

— Опять ты.

И в этом «опять ты» было столько тепла, сколько не бывает в самых громких благодарностях. Денис только кивнул, не зная, что сказать, потому что любые слова казались слишком громкими для этого тихого момента.

Когда всё улеглось, Денис снова шёл по своему маршруту. Дождь всё ещё шёл, но теперь он казался ему чем-то вроде ритма города: ровный, спокойный, бесконечный. И в этом ритме Денис чувствовал себя на месте. Капли барабанили по крышам, стекали по водосточным трубам, собирались в ручьи, которые бежали по тротуарам, унося с собой пыль и грусть.

В конце смены он вернулся в отделение и уже собирался уходить, когда начальник окликнул его:

— Денис, подожди. Тут для тебя кое-что есть.

Он протянул ему большой конверт. На нём не было обратного адреса, только аккуратная надпись: «Денису Бардину — от жильцов нашего района». Бумага была плотной, качественной, и надпись сделана от руки, старательно и с вниманием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.